

**Илона Волынская
Кирилл Кашеев
Сокровище forever!**

Серия «Детективное агентство «Белый гусь»», книга 6

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174650
Сокровище forever!: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-29088-8

Аннотация

Сенсация! Скоро в городском музее открывается выставка скифского золота, а накануне состоится торжественная презентация главного экспоната – всемирно известной пекторали, бесценного сокровища нации. Только очень уж странные гости собрались на этот прием: безумная поэтесса, сумасшедший ученый, таинственная девушка, то и дело исчезающая непонятно куда... Стоит ли удивляться, что главный экспонат украли! К счастью, Мурка и Кисонька, детективы из агентства «Белый гусь», тоже были в числе приглашенных. Теперь их цель – во что бы то ни стало найти похитителя...

Содержание

Золото скифских царей (вместо нудного предисловия)	5
Глава 1. «Белый гусь» в рекламе не нуждается	11
Глава 2. Презентация тщеславия	16
Глава 3. Безумный непрофессор	19
Глава 4. Официоз с тумбочкой	21
Глава 5. Долгие поиски	24
Глава 6. Погоня за черным призраком	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Илона Волынская, Кирилл Кашеев

Сокровище forever!

Золото скифских царей (вместо нудного предисловия)

Екатеринославская губерния.

Середина XIX века

Черные полосы быстро летящих в ночном небе туч то и дело перечеркивали диск луны. Луна то пропадала за тучами, то выныривала снова, осыпая степь внизу неверно мерцающим серебром, и наконец скрылась вовсе. В одно мгновение чернота на много верст окрест будто поглотила землю. Пегая куцехвостая лошаденка, мерно трусившая по заросшей ковылем степи, заржала и остановилась.

– От це ж трясся, ни зги не видать! – Сдвинув шапку на затылок, дядька с длинными, свисающими на грудь сивыми усами с упреком поглядел в темноту неба. За спиной у него робко шевельнулось, и из-за плеча высунулась встрепанная белобрысая голова парнишки лет тринадцати.

– Долго еще, дядько Мыкола? – вцепляясь старшему в плечи и озираясь по сторонам, боязливым шепотом выдохнул парнишка.

– Та ни, вже близехонько. Но, пошла, мертвая! – прикрикнул сивоусый Мыкола и ударил пегую кобылку пятками в бока. Тяжело приседая под двумя седоками, заморенная лошаденка неспешным шагом двинулась дальше.

Громадный земляной курган, торчащий посреди плоской, как стол, степи, приближался, горой сплошной черноты вырастая на фоне темного неба.

– Ох и здоровый же! – Парнишка, запрокинув голову, восхищенно уставился на округлую вершину холма. Его старший спутник молча спешился. Жестом велел хлопцу сделать то же самое, принялся отвязывать от седла длинный, замотанный в холстину сверток. Резко звякнул металл.

Стреножив лошаденку, стали торопливо подниматься по земляному склону.

– Здесь, – глухо сказал дядька Мыкола, – камешек тут у меня приметный. – Он остановился у вросшего в склон валуна и вытащил из свертка заржавленный заступ. Острые ударило в землю, отваливая рыхлый пласт... и в склоне темным пятном открылся лаз, уводящий в глубину кургана.

– Гляжу, вы тут вже добре попрацювали, дядько Мыкола, – с боязливым уважением пробормотал парнишка, заглядывая в черное отверстие. – Сразу видать человека бывалого. Умеете скарбы шукать.

– То ты, хлопче, бывалых не видал, – Мыкола усмехнулся в усы, чиркая кремнем над тряпичным трутом. Сунул тлеющую тряпку в дверцу привезенного с собой потайного фонаря. Плавающий в масле фитилек затеплился, бросая в окрестную темень робкие желто-красные мазки света. – Про «счастливчиков» слышал, что у Черного моря в старых могилах клады шукать? Вот кто золотишко-то чует! От отца к сыну нюх передается. Другой, бывало, роет тот курган, роет, ан, окромя костей да блях медных, ничего и не найдет, а то и вовсе живым не вернется, землей засыплет. А ежели кто из «счастливчиков» – нож только в землю сунет, сразу на золото и наткнется!

– Как же они так? – Хлопец слушал старшего, приоткрыв рот.

– А бес их знает! – Мыкола пошевелил усами, будто рак. – Люди говорят, скарбы золотые от других прячутся, а им сами даются, бо есть в них трошки крови народа, что курганы те насыпал. Я как на Керчи был, одного такого «счастливчика» спытал, да он только смеялся

– говорит, переночую на вершине, как услышу: закопанные в нем кони копытами бьют, там золото и спрятано.

– Дядька Мыкола, а ты ночевал?

Сивоусый сдержанно кивнул. Хлопцу хватило ума не спрашивать, слышал ли старший стук копыт – и так было ясно.

– Ничего, есть и другие способы скарб взять, – мотнул чубом Мыкола. – От побачишь! – И поглядел на хлопца. Оценивающе. Как глядят на вывешенную в мясной лавке тушу.

Хлопец того взгляда не заметил:

– Ой, спасибочки вам, дядько Мыкола! Век за вас Бога молить буду! Батько-то у нас еще прошлой весной помер, мамка на людей стирает, горбатится, уж кашлять начала не по хорошему, а нас же у нее трое... Нам гроши во как нужны!

– Языком грошей не добудешь! – грубо оборвал его старший. – Бери заступ, и полезли!

Хлопец еще разок опасливо глянул в прокопанный в склоне кургана лаз. В лицо ему дохнуло сыростью разрытой земли и еще чем-то, чему он не знал названия, но что пугало его до постыдной дрожи в коленках. Лезть не хотелось, но видения обещанного Мыколой золота – драгоценных украшений и отделанной золотыми бляхами конской сбруи – манили его. Парнишка чувствовал, как от ужаса живот у него втягивается, почти прилипая к спине... Он судорожно перевел дух и потянулся перекреститься... Его со страшной силой схватили за запястье, и в пляшущих отблесках фонаря он увидел над собой бешеные глаза Мыколы.

– Руку отрежу! – Свистящим шепотом выдохнул ему в лицо сивоусый. – Сдурел? Тут скарбы заклые! Хочешь, чтоб они от твоего креста безвозвратно под землю ушли? А ну пошел! – Он сильно пнул мальчишку, и тот, не успев пискнуть, нырнул в лаз.

Волоча за собой заступ, шустро пополз на четвереньках по змеевидному проходу. Земля с потолка и стен мелким крошечком сыпалась ему на голову и спину. Сзади, выставя перед собой фонарь и то и дело сдавленно чертыхаясь, полз Мыкола. Наконец парнишка уперся в перекрывающую выкопанный проход земляную стену. Приподнялся, опираясь на колени, и всадил заступ в землю, углубляя проход. Рядом, отгребая падающие из-под острия комы земли, молча возился Мыкола.

Парнишка остановился всего раз – стянуть с себя насквозь мокрую рубаху. Воздуха в земляном лазе не хватало, при каждом ударе заступа хлопец широко и жадно разевал рот. От летящей вокруг мелкой пыли отчаянно саднило внутри. Медный крест елозил по залитой потом груди, витой гайтан натирал шею. Мальчишке казалось, что он так роет уже целую вечность – ударить острием заступа, упереться, отваливая очередной земляной пласт. Ударить, упереться... Ударить...

Заступ вошел в землю неожиданно легко. Мальчишка сперва ничего не понял, взмахнул снова... Заступ едва не вырвался у него из рук, пройдя насквозь через ставшую вдруг хлипкой земляную стену.

– Дядько Мыкола... – хрипло прошептал хлопец и закашлялся, выхаркивая из легких набившуюся туда пыль. – Там... пустота... Кажись... того... нашли...

Деловито сопя, Мыкола протиснулся мимо своего молодого помощника. Отобрал заступ и принялся аккуратно прощупывать им стену.

– Оно? То оно, дядько Мыкола? – затеребил его мальчишка. – Оно, да? Золото?

Старший не отвечал, продолжая тыкать острием в остатки земляной кладки. Земля тонкими струйками сыпалась под его ударами, в неверном свете потайного фонаря в обнажившихся проплешинах мелькнула верхняя кромка известняковой плиты... Уставившись на эти каменные вкрапления расширенными, сверкающими безумной надеждой зрачками, мальчишка шептал, как в бреду:

– Мамку к доктору, пока живая еще... Брательникам сапоги, бо они ж зимой как есть босые... Нашли... Скарб... – Просочившееся в лаз снаружи легкое дуновение веющего над

степью ветра коснулось разгоряченного лица. Дыхание хлопца успокоилось, выражение глаз стало осмысленным. – Дядько Мыкола... – неуверенно позвал он.

– Ну что тебе? – раздраженно откликнулся старший.

– Та той же... скарб... заклятый... Его ж заклинали, чтоб такие, как мы, не чипляли? Бо мы ж не «счастливики», чтоб он нам сам дался... Как же мы его возьмем?

Мыкола медленно повернулся к мальчишке – и тот невольно вжался в стену, таким вдруг страшным ему показался взгляд обычно добродушного сивоусого знакомого.

– Есть способ, хлопче, – медленно и раздельно проговорил сивоусый. – До того заклятого скарба ключик. – Мыкола придвинулся поближе к мальчишке. – Кровь людская!

– Р-руку р-резать? – дрожащим голосом переспросил мальчишка, шаря по земле в поисках еще недавно лежавшего рядом заступа. Но тот уж давно был у Мыколы. И все же пальцы хлопца наткнулись на что-то маленькое, твердое... Сам не понимая зачем, он стиснул это маленькое в кулаке, будто оно могло принести ему спасение.

– Скарб больно велик, – процедил дядька, – руки-то за него мало будет.

Мыкола на одно короткое мгновение увидел свое отражение в выкаченных от ужаса глазах парнишки – и тут же ударил заступом. Узкий лаз не позволял замахнуться, поэтому дядька просто ткнул, словно копьем, норовя попасть в живот белобрысому дурню. Чтоб струя живой человеческой крови враз окропила проступающую из-под слоев земли кладку, отворяя дорогу к кладу...

– Дядька Мыкола, не надо!

Даром что лаз узкий – хлопец все ж сумел извернуться ужакою, шарахаясь в сторону. Заступ прошелся по его впалому животу, прочертив длинную царапину... и врезался в земляную стену.

Пласт земли рухнул. Вырвавшись наружу вместе с волной невыносимого смрада, прямо в Мыколу пыхнуло белесой пылью. Из открывшегося проема, щеря здоровенные желтые зубищи, на сивоусого выпятился громадный лошадиный череп. Защищаясь от жуткого видения, дядька вскинул руки... Из горла его вырвался страшный хрип. Глаза выкатились из орбит, сивоусый забился в узком лазе, молотя в стены каблуками сапог. По всей длине выкопанного им прохода будто дрожь прокатилась. Со стен сплошными ручейками посыпалась серая сухая земля. Потолок пошел волнами. Здоровенный ком земли рухнул прямо на фонарь. Коротко дзенькнув, стекло лопнуло, фитилек выпал и погас. Последнее, что успел увидеть оцепеневший мальчишка, – перекошенное, прям упыриное лицо Мыколы. Дядька, пялясь на него вконец безумными глазами, прохрипел:

– Отдай... кровь... – И протянул к нему осыпанные белесой пылью руки.

Отчаянно вскрикнув, мальчишка пнул его ногой и на четвереньках рванул к выходу. Холодные пальцы вцепились ему в босую пятку, хлопец закричал, вырываясь, – и тут же позади с грохотом рухнул новый пласт земли. Хватка на ноге разжалась. Локти – колени – локти – колени... Мальчишка полз к выходу. Стены лаза колыхались, будто дышали. Позади все валилась и валилась земля. Многопудовая тяжесть нависала над самой макушкой, норовя заживо похоронить под собой. Казалось, прорытому в кургане лазу не будет конца... когда навстречу хлестнул свежий ветер. Хлопец одним броском вывалился наружу... и тут же стены лаза с глухим шумом рухнули и проход захлопнулся, словно жадная змеиная пасть.

Мальчишка постоял, шатаясь, над пятном рыхлой земли – всем, что осталось от дядьки Мыколы и его скарба, – и мешком повалился на земляной склон. Он лежал, раскинув руки, судорожно вдыхая чистый, пахнувший разогретым за день ковылем воздух, и бездумно глядел, как круглая луна стеснительно выглядывает в дырки облаков. Наконец чувства вернулись в ноющее тело – и мальчишка вдруг ощутил, что в правой руке у него что-то стиснуто. Маленькое, с гладкими краями.

Хлопец поднес руку к глазам и медленно разжал пальцы. На ладони, тускло отливая старым, не одну тысячу лет не выдавшим света золотом, лежала бляшка с вычеканенным на ней оленем. Мальчишке этот гордый могучий зверь с запрокинутыми ветвистыми рогами показался самым прекрасным в мире. Не богатство, но на доктора для мамки и обувку братьникам хватит. Мальчишка бережно увязал бляшку в пояс драных порток, земно поклонился кургану и побежал по склону, разыскивать пасущуюся внизу лошаденку.

*Днепропетровская область (бывшая Екатеринославская губерния)
Июнь 1971 года*

Зависшее в зените солнце жгло невыносимо, но даже оно было не в состоянии высушить проступающий сквозь рубашку пот. Раздражая кожу, горячие струйки одна за другой катились по спине. От долгого сидения на корточках ноги затекли, а забитый сухой земляной пылью рот пересох. Но пить нельзя – станет только хуже, вообще до вечера не продержишься. Одна радость – в туалет совсем не хочется, а то куда бы он пошел на этой плоской, во все стороны просматривающейся степи, где единственной возвышенностью был их полураскопанный курган? А в соседней траншее девчонки роются. Взрослые. Студентки.

Мальчишка лет тринадцати, засевавший в раскаленной на летнем солнце траншее раскопа, покраснел, будто кто мог подслушать его мысли, и принялся старательно ковырять скребком земляную стену кургана. Эти самые девчонки, между прочим, не ноют, вот и ему нечего. Никто его сюда силком не тащил, сам упрашивал: «Дяденьки археологи, дяденька Мозолевский, можно я немножко покопаю, ну хоть попробовать дайте, ну пожалуйста...»

– Товарищ Мозолевский, вам что, трудовое законодательство не писано? – послышался сверху раздраженный голос.

Мальчишка вскинул голову. Над ним, на кромке раскопа, застыла приземистая фигура, облаченная в мятый после долгой езды в «уазике» костюм. На темной ткани уже успела осесть пыль. Соломенная шляпа делала приезжего похожим на пасечника с картинок, но впечатление портил зажатый под мышкой пухлый портфель.

Стоящий рядом начальник экспедиции Борис Мозолевский набычился... и промолчал. Лишь пальцы судорожно, до белизны стиснули деревянную доску, на которой лежал полуизъеденный ржавчиной короткий – не намного больше современного кухонного ножа – скифский меч акинак.

Мальчишка уныло поглядел на начальника экспедиции. Вчера, еще затемно отпросившись у матери, он примчался на раскоп и, боясь даже дышать в спину орудующим щеточками и скребками археологам, с благоговением следил, как акинак медленно, по миллиметру, освобождают от земли, в которой он пролежал две с половиной тысячи лет! Но на этом, кажется, его приобщение к древним тайнам курганов и закончится. Принесло же этого... гриба в шляпке...

– Почему детский труд используете? – тыча в мальчишку пальцем, разорвался «гриб». Снизу, из раскопа, в котором съежился мальчишка, отлично видно было, как полуденное солнце колючими лучиками проскакивает сквозь дырочки его шляпы.

Мозолевский по-прежнему молчал, только хмурился.

– Это не использование детского труда. – Возникший словно из ниоткуда археолог Женя Черненко аккуратно вклинился между приезжим «грибом» и начальником экспедиции. – Это трудовое воспитание. Пусть покопается парень...

– Чтобы копать, вам выделили бригаду шахтеров и экскаватор! – перебил его «гриб». – На государственные средства, между прочим! – Он по-прежнему обращался только к каменно молчащему Мозолевскому. – А вы так ничего и не нашли!

– То есть как это?! – немедленно возмутился Женя. – А керамика, а скотомогильник, в смысле захоронение лошадей? А погребальная повозка? А греческие театральные маски? Это же интереснейшие находки, явно указывающие, что курган Толстая могила, – он одним взмахом руки очертил все опоясывающие курган траншеи раскопов, – относится к погребениям скифских царей... Настоятельно прошу не принижать достижений советской археологии перед лицом немецких товарищей! – И он кивнул на появившуюся рядом с ним фрау Ренату, которая и впрямь была самой настоящей немкой.

Но «гриб», будто не слыша, продолжал буравить взглядом начальника экспедиции.

– Маски-фантомаски... – брюзгливо процедил он. (Значит, слышал все-таки!) – Может, курган ваш и царский, только вон, весь грабительскими ходами изрыт. Тут если что и было, еще до вас вынесли...

– Ничего подобного! – снова взвился Женя. – Мы совершенно убеждены, что этот курган сумел сохранить свои сокровища – в конце концов, мы же обнаружили возле скотомогильника засыпанный скелет грабителя!

– «Курган сохранил!»! – передразнил «гриб». – А еще ученые! Нахватались у своего начальника бредней! Вы шарлатан, Мозолевский! – словно кирпич в лицо, швырнул он начальнику экспедиции.

Забыв про страх, мальчишка в раскопе вскочил. Как он смеет, гриб-поганка! Борис настоящий ученый, столько всего знает! Но что же он молчит! Пусть скажет этому... Мальчишка в отчаянии поглядел на Мозолевого, который в ответ на брошенное обвинение лишь угрюмо катал желваки на загоревших до красноты скулах.

– Байками меня тут кормил! На кургане он, видите ли, ночевал, слышал, как скифские кони копытами бьют! – Нервным движением «гриб» выхватил из портфеля широкий, как скатерть, клетчатый платок и отер залитое потом лицо. – Вы обещали, что тут будет золото! – это прозвучало настоящим криком души.

– Я думать, советски товарищи хотеть только блага советский наука, – разбивая повисшую над раскопом тишину, наконец пробормотала Рената Ролле. – И совсем не думать о такой вещь, как золото.

«Гриб» кинул на нее косой взгляд – ясно было, что, не будь фрау Ролле и впрямь «немецким товарищем», высказал бы он ей... по-русски. Но сейчас он только вновь повернулся к начальнику экспедиции:

– Вы обманули меня! Нет, хуже! Вы своими антинаучными бреднями всю советскую власть обманули, Мозолевский! Этот курган давно разграблен! Где золото? Где обещанное вами скифское золото, я спрашиваю?!

Глядящий снизу мальчишка увидел, как Борис Мозолевский медленно поднял голову. Темные глаза под выгоревшими до белизны бровями полыхнули таким бешеным огнем, что «гриб» в испуге осекся и попятился по насыпи раскопа. Рыхлая земля из-под его ботинок посыпалась в траншею, мальчишке на голову. Но тот даже не заметил – потому что в руке у Мозолевого что-то блеснуло. Мальчишке показалось, что археолог сжимает за рукоять тот самый скифский акинак, вдруг ставший целым и невредимым, и избавившийся от двухтысячелетней ржавчины древний клинок сияет на солнце.

– Золото вам? – хрипло выдохнул Мозолевский, и его тихий голос – почти шепот – прозвучал так, что услышал весь раскоп. – Кроме золота, вам ничего не нужно? Ладно. Будет вам золото! – И он прямо с места прыгнул в траншею раскопа.

В невольном испуге мальчишка вжался в стену. Мягко, как барс, Мозолевский приземлился на ноги рядом с ним. Только сейчас мальчишка понял, что начальник экспедиции сжимает в руке не древний акинак, а вполне современный армейский нож, которым он обычно орудовал в раскопе.

– Вот где ткну – там и будет! – бросил наверх Мозолевский – и со всего маху вогнал клинок в стену раскопа.

Хищно, как в тело врага, нож ушел в землю по рукоять. Мальчишка судорожно хватал воздух и замер, не смея дышать. Казалось, не только заглядывающие в траншею люди, не только раскоп – весь мир замер вместе с ним.

Мозолевский медленно потянул клинок на себя. словно расколотый ударом, тяжелый пласт глины с глухим шумом рухнул оземь. Нож скользнул обо что-то твердое. Мир выдохнул и снова захлебнулся немыслимым, диким, торжествующим воплем...

На потемневшем лезвии лежала впаянная в глину золотая бляшка размером со спичечный коробок. В свете горящего в зените яростного солнца в выбитой ударом ножа нише тускло блеснуло древнее золото скифских царей.

Наши дни

XXI век

Стеклянные двери мерцающего подсветкой высотного офисного здания медленно разошлись в стороны... и, цокая коваными копытами по гранитным ступеням, наружу вылетел гнедой конь. Встречный ветер трепал каштановую гриву и темные волосы пригнувшейся к луке седла всадницы. Следом на могучем вороном вырвался вооруженный копьем рыцарь в сверкающих доспехах... и непроницаемо-темных очках. Суесящиеся перед входом люди в бронежилетах и с автоматами остановились.

– Хей-я-я! – Будто взлетев в вихре развевающихся черных волос, девушка встала в седле. Вскинула небольшой лук...

Стрелы ложились на тетиву одна за другой и... банг! банг! банг! – замолотили в гранит у ног рассыпавшихся автоматчиков.

За спиной балансирующей на седле лучницы к резко затормозившему у тротуара «Мерседесу» рванула компания детей. В самом центре группы бежала девочка с растрепанными ярко-рыжими волосами. На ее разорванном и заляпанном грязью коротеньком вечернем платье тускло мерцало широкое ожерелье из древнего золота.

Глава 1. «Белый гусь» в рекламе не нуждается

Золото тускло блеснуло в свете горящей под потолком лампы. Кисонька перевернула жесткую гляцевую страничку буклета, еще раз поглядела на изображенное на обложке то ли широченное ожерелье, то ли круглый воротник чистого золота, с рельефными изображениями людей, птиц, животных и даже сказочных существ вроде крылатых грифонов. Девчонка мечтательно вздохнула:

– Красивая какая! Просто потрясающая!

Ее близняшка Мурка заглянула сестре через плечо. Рыжая прядь длинных волос упала прямо на красовавшуюся поперек буклета надпись: «Золотая пектораль Великой Скифии снова увидит свою родину!»

– Выставку Олег Петрович организывает, – сказала Мурка и в ответ на непонимающий взгляд Вадьки напомнила: – Ну, Остапчук...

Вадька нахмурился, вспоминая, – имя показалось ему знакомым. Потом лицо его прояснилось.

– А-а, тот бизнесмен, которого мы в нашем самом первом деле подозревали?! – Вадька снова нахмурился. – погоди, он же вроде старинную мебель коллекционировал? ¹

– Наверное, как тогда городских коллекционеров чуть не перебили, так он в мебели и разочаровался? – предположила Мурка.

– Скажи лучше – эволюционировал. От дерева к золоту, – усмехнулся Сева. – Я его понимаю.

– Не сомневаюсь! – фыркнула Кисонька и тут же добавила: – Остапчук прислал папе приглашение на презентацию!

– Не раскатывай губу, Кисонька! Примерить пектораль тебе все равно не дадут, – съехидничал Сева.

Кисонька лишь презрительно на него покосилась.

– Что Остапчук вашего отца пригласил – понятно, они партнеры, – задумчиво сказал Вадька, вытряхивая из гляцевого буклета беленькую карточку с приглашением. – А вот зачем он в «Белый гусь» приглашение отправил? Презентация перед открытием выставки только для первых лиц города...

– Думаешь, он... заподозрил? – зловещим шепотом выдохнула Катька.

– Что заподозрил, Кать? – Мурка устало поглядела на младшую компаньоншу их детективного агентства. – Остапчук нас знать не знает! А приглашение прислал, почему все присылают. – Мурка нырнула под стол – и вытащила на поверхность решетчатую корзинку для бумаг. Из корзины, топорщась жесткими краями, торчали прямоугольники приглашенных карточек – беленькие и цветные, с золотым обрезом, с похожим на витиеватый почерк курсивом и с четким печатным шрифтом... Мурка наугад запустила в корзину руку и, вытащив стопку, принялась перебирать их одну за другой. – Пожалуйста, приглашение на «Стройся!»...

– Из военкомата, что ли? – слегка встревожился Сева.

Мурка одарила его снисходительным взглядом:

– Презентация новых строительных технологий. Или вот – открытие конкурса «Золотая иголка», – продолжала Мурка.

¹ О первом расследовании детективного агентства «Белый гусь» читайте в книге И. Волинской и К. Кашеева «Полночь в музее». (Прим. ред.)

– Если это конкурс портных – еще ничего, а если медсестер – я ни за что не пойду! – немедленно объявила Катька. – Вдруг они эти... объекты для своих конкурсов прямо из публики набирают!

– Не волнуйся, они на искусственных соревнуются, – утешила ее Мурка. – Или вот... «Ярмарка белорусского женского белья в филармонии».

– Чайковский отдыхает! – Сева уполз под стол, а Вадька засмутился, живо представив музыкантов, вышедших на сцену в неприятной, но качественной продукции соседней республики.

– С тех пор как «Белый гусь» предотвратил ограбление ювелиров, наш Саям стал популярен, – завершила Мурка.

Пятерка ребят, восседающих в секретной рабочей комнате детективного агентства «Белый гусь», невольно повернулась к занимающему одну из стен стеклу, в котором отлично виден был высокий, под два метра, накачанный мужик, как всегда меланхолично поедающий бутерброд с салами.

В их городе, где молчаливый хозяин таинственного детективного агентства с его секретными, но неизменно успешными методами работы начал пользоваться популярностью, никто даже не догадывался, насколько агентство на самом деле таинственное, а методы его – секретные. И уж тем более не подозревали, что мрачноватый бородач Саям вовсе не хозяин «Белого гуся»! Сколько у агентства настоящих хозяев, толком не знали даже они сами. Катька, младшая сестра шефа агентства и специалиста по компьютерным преступлениям Вадьки Тихонова, настоятельно требовала, чтобы боевого белого гуся Евлампия Харлампиевича (сокращенно – Харли) тоже считали одним из владельцев, а финансовый директор и эксперт по экономическим преступлениям Сева категорически отказывался, заявляя, что еще и на гуся он счет в банке открывать не намерен. Сестры-близняшки Мурка и Кисонька в этом вопросе держали строгий нейтралитет – ссориться с Катькой и ее гусем им не хотелось, но и с Севой они были согласны: личный гусиный счет – это как-то чересчур!

Впрочем, внутренние проблемы так и оставались в рабочей комнате агентства, а попадающий в парадный офис клиент встречал солидного, сразу внушающего доверие бородача. И если в разговоре Саям вдруг делал долгие паузы, клиент благоговейно замирал, в полной уверенности, что великий сыщик погрузился в обдумывание его непростой проблемы. Никому даже в голову не приходило, что на самом деле «великий сыщик» просто ждет, пока компания мальчишек и девчонок за стенкой через закрепленный на ухе микрофон подскажет ему, что говорить.

Теперь истинные хозяева «Белого гуся» (включая даже высунувшегося из корзинки Харли) внимательно разглядывали своего единственного служащего через прозрачное только с одной стороны стекло между парадным офисом и рабочей комнатой.

– А знаете, что я думаю... – вдруг сказал Сева, переводя взгляд с Саяма на буклет «Золотой пекторали».

– Мы даже не знали, что ты умеешь, – невинно заверила его Кисонька, за что тут же получила локтем в бок от сестры и грозный взгляд от Вадьки. Только вредная Катька согласно захихикала.

Сева обиженно умолк, поджав губы. В дополнение к грозному взгляду Вадьке пришлось наставительно добавить:

– Если Севка чего надумал, его надо хотя бы послушать, потому что без него мы бы денег на «Белом гусе» в жизни не заработали...

– А, ну если Севочка думает о деньгах... – многозначительно кивая, тут же согласилась Кисонька.

Катька снова захохотала, зато Мурка протянула зловещим тоном:

– Кому-то за длинный язык сейчас будет как на тренировках – сто отжиманий...

– Ты что, у меня косметика размажется! – переполошилась Кисонька.

– Тогда закрой рот и помалкивай, а не то я тебе помаду сама размажу! – пригрозила Мурка. – А ты выкладывай, чего там у тебя! – скомандовала она Севе.

Сева еще минуту помолчал, наслаждаясь редким моментом посрамления ехидной Кисоньки, и наконец соизволил сообщить:

– Я тут прикинул кое-что на будущее, и думаю... – Он обвел взглядом компаньонов – проверяя, нет ли у кого возражений. На этот раз промолчала даже Кисонька, и Сева закончил, помахивая буклетом в воздухе: – Надо бы нашего Саяма на эту презентацию отправить. Эй, а чего вы на меня так пялитесь? – увидев устремленные на него ошалелые взгляды компаньонов, поинтересовался он.

– Еще на Кисоньку наорали, – после недолгого молчания выдала Катька. – А он ведь и правда насчет думать не очень...

– Правда, Севка, чего-то ты не то... – начал Вадька, уже раскаиваясь в оказанной другу поддержке. Ну кто ж знал, что он такую дурь выдумает? – На фига наш Саям на выставке? В качестве экспоната?

– С людьми пообщаться, – невозмутимо сообщил в ответ Сева.

– Ты нас что, решил заложить? Стоит Саяму без нас хоть пять минут с кем-то пообщаться, весь город догадается, что не мог он сам дела расследовать...

– А кто сказал, что без нас? – Сева оставался невозмутим. – Твоя техника и на дальние расстояния действует. Нацепим на Саяма камеру, микрофон и отправим, а сами будем ему из офиса подсказывать, что делать и как говорить.

Вадька не ответил – он невольно прикидывал, как расширить радиус захвата микрокамеры, которую можно пристроить Саяму в пуговицу... Шеф агентства опомнился:

– Сделать-то можно, только зачем? Если тебя так тянет на древнее золото посмотреть – сам сходи, без Саяма!

– Я – человек современный. Золото предпочитаю в оцифрованном виде – на кредитной карточке, – с запредельным высокомерием обронил Сева. – Неужели не врубаетесь? По-настоящему богатые люди, которые могут за нашу работу хорошие деньги заплатить, не станут доверять секреты тем, кого они совсем не знают! Значит, надо сделать так, чтоб они с нашим «Белым гусем» были лично знакомы!

– Они и так с ним знакомы! – мотнул головой Вадька. – Этот тип – наш логотип... – он потыкал пальцем в Евлампия Харлампиевича, – по три раза на дню на всех городских телеканалах мелькает!

Но тут Сева получил поддержку с неожиданной стороны.

– Телевидение, конечно, нужно, но... – задумчиво сказала Кисонька, – если мы хотим, чтоб у нас и дальше были клиенты, местная тусовка должна на Саяма хотя бы посмотреть! Чтобы потом не боялись к нему обращаться. Сева абсолютно прав! – решительно заключила она. – Прятать Саяма больше нельзя. А для первого выхода в свет презентация «Золотой пекторали» – самый подходящий случай.

– Не какие-нибудь там «оперные унитазы», а сплошная культура и история... Все городские шишки соберутся, – согласно кивнула Мурка.

– А вы пойдете в музей вместе с ним! По пригласительному вашего папы, – добавил Сева. – Мы с Вадькой будем Саямом отсюда рулить, а вы на месте подстрахуете.

– А как же вы? Вам же, наверное, тоже интересно пектораль посмотреть? – засомневалась Кисонька.

– Я ее уже в Интернете видел, – с глубоким равнодушием обронил Вадька, ныряя в свой шкаф с инструментами.

Кисонька вскочила и, пробежав через коридор, ворвалась в парадный офис, огорошив сидящего там Саяма заявлением:

– Салям, доставай пиджак и давай от него верхнюю пуговицу! Ты завтра идешь в музей на презентацию золотой скифской пекторали!

Салям на мгновение перестал жевать, одним глотком отправил уже откушенный кусок бутерброда в желудок и серьезно поинтересовался:

– Туда только без пуговиц пускают?

Кисонька с большим трудом подавила желание с такой же серьезной миной пояснить Саляму, что приличные люди в наше время в музеи ходят не только без пуговиц, но еще обязательно без штанов. Но сдержалась. Единственный служащий «Белого гуся» был человеком крайне ответственным и исполнительным. Кисонька сразу представила, как у входа в музей Салям стаскивает с себя брюки и в таком виде торжественно вступает в презентационный зал.

– Вадька вмонтирует в пуговицу камеру, чтоб мы видели, что с тобой происходит, – уже спокойно пояснила она. – Там мэр города и губернатор будут, с женами...

Салям продолжал равнодушно жевать.

– И фуршет, – искушающе добавила Кисонька. – С бутербродами.

Салям задумался, оглядывая надкушенный бутерброд со всех сторон. Наконец он поднял глаза на Кисоньку и настороженно уточнил:

– С салями?

– И с салями, и с бужениной, и с красной рыбой... Наверное, – добавила Кисонька.

Салям еще немного подумал, вздохнул и, окончательно решившись, промаршировал к встроенному шкафу, где прятался его парадный костюм, купленный за деньги агентства (после долгого скандала с Севой, утверждавшего, что для создания образа настоящего сыщика костюм совершенно не нужен. Хватит и собственных Салямовых джинсов, пятна кетчупа на которых вполне можно выдать за пятна крови. Сдался Севка, только когда озверевшая Кисонька пригрозила требовать денег еще на трубку и скрипку, как у Шерлока Холмса).

Вытащив костюм, Салям с видом воина, идущего на смертный бой, оторвал от пиджака верхнюю пуговицу.

– ...Я тут подумал, – начал Вадька.

– Похоже, думание – это заразно... – пробормотала вернувшаяся в рабочую комнату Кисонька, оглядывая Вадькин стол. Только что практически пустая столешница за время ее недолгого отсутствия оказалась сплошь завалена детальками, микросхемами, компьютерными чипами, чертежами... Посредине гордо красовался дымящийся паяльник.

– Я подумал, – принимая пуговицу, упрямо продолжал Вадька, – давайте я Саляму еще чего-нибудь куда-нибудь присобачу!

Кисонька поглядела на него изумленно:

– Третью ногу? Или ухо посреди лба?

– Нет, ну там что-нибудь стреляющее в галстук вмонтирую или нож в рукав! – азартно предложил Вадька.

– И огнемет в пупок! Будет у нас не Салям, а Терминатор! – подключилась Мурка. – Пойдет с губернатором знакомиться, а из рукава нож торчит!

– Конфуз может выйти чрезвычайный, – серьезно согласилась Кисонька.

– Тогда хоть очки возьмите! – предложил Вадька, загоревшийся идеей «апгрейдить» Саляма по полной программе. Он протянул Кисоньке здоровенные, как консервные банки, темные очки. – Тут куча всего – и вторая камера, и даже ночное видение!

– Эффектные, – вертя очки в руках, одобрила Кисонька.

– Так берете? – возрадовался Вадька.

– Обязательно, – согласилась Кисонька, – только кучу всего ты отключи, пожалуйста, – скомандовала рыжая. – А очки возьмем. Они с Саламовым костюмом смотреться будут – исключительно!

– Так что?! – возмутился Вадька. – Мы на него, кроме камеры и микрофона, ничего и не нацепим?

– Вадька, не увлекайся! – отрезала Мурка. – Салам на презентацию, а не на спецоперацию идет!

Вадька поглядел на жестоких девчонок с трагизмом непонятого гения, но ничего не сказал. Лишь упрямо сжал губы и, гневно сопя, принялся монтировать в пуговицу мини-камеру.

– Сами там не увлекайтесь древностями своими, – проворчал он, пинцетом поправляя последний проводок. – А то я вас знаю – будете на эту скифскую медяху пялиться и ахать: произведение искусства, бесценная находка... Ваше дело не экспонатом любоваться, а Салама пасти! И внимательно следить, с кем он... то есть мы через него... разговариваем.

– Мальчишки, значит, – на Саламе, вы с Кисонькой – на контроле, – вдруг возмутилась Катька, – а Евлампий Харлампиевич? А я?

– А ты-ы... – многозначительно протянул Вадька. – Ты... – он оглядел Катьку с сомнением, словно колеблясь, можно ли доверить младшей сестре такое рискованное и опасное дело. И, наконец решившись, торжественно провозгласил: – А ты – пришей Саламу пуговицу обратно!

Глава 2. Презентация тщеславия

– На такое везение я даже не рассчитывала – чтоб нас одних отпустили! – радостно объявила Мурка.

– Если бы мама вчера не уехала – не отпустили бы, – резонно заметила Кисонька. – А отцу на завод надо, он только счастлив, что мы вместо него у Остапчука отметимся.

Шофер Володя остановил «Мерседес» у высокого парадного крыльца старинного особняка, в котором размещался исторический музей. На открытой дубовой двери висела афиша, объявляющая, что в город прибыло бесценное сокровище, но официально экспозиция открывалась лишь завтра. Тем не менее у ступенек особняка перетапывалась кучка возбужденных людей с плакатами.

– Это что за демонстрация? – пробормотал шофер Володя.

Кисонька прильнула к боковому стеклу, пытаясь прочитать надписи на плакатах. Надписи слегка ошеломляли.

«Нет осквернителям древних могил!» – гласила одна. «Тутанхамона – египтянам, пектораль – скифам!» – сообщала вторая. «Каждый честный человек должен отобрать у археолога лопату!» – наконец, призывала третья.

– Может, мне вас проводить? – засомневался Володя.

– Они вроде не буйные, – ответила Кисонька, и сестры выбрались из машины.

К ним сразу пристала невысокая, спортивного вида женщина в джинсах. Длинные, завитые крупными кольцами седоватые волосы рассыпались по плечам не слишком чистого свитера. Женщина приблизила смуглое худое лицо к девочкам и с интонацией хорошо оплаченного энтузиазма спросила:

– А если бы разрыли могилу вашего отца?

– Наш папа жив! – с невольной дрожью в голосе пробормотала Кисонька, шарахаясь в сторону.

Сестры бегом взлетели по высоким ступенькам и, миновав настороженно косящихся на демонстрантов охранников на посту у входа, нырнули внутрь. Мимо них торжественно шествовали дамы в сопровождении мужчин. Молодые, в платьях для коктейля от Шанель, как новенькие и о-очень дорогие спортивные машины с открытым верхом. Другие – как старинная лепнина музея – так же хорошо отреставрированные. Мужчины казались совершенно одинаковыми из-за черных смокингов и выражения превосходства на лицах.

Кисонька отдала свое пальто слегка ошалевшей от нарядов и драгоценностей старушке-гардеробщице и остановилась перед высоченным зеркалом XVIII века в золоченой раме. Старинная амальгама словно бы слегка размылась и отразившуюся в зеркальном стекле девочку с ярко-рыжими волосами и зелеными глазами, одетую в коротенькое коричнево-золотистое платье без рукавов, казалось, окружал смутный ореол. Будто коридор в прошлое, по которому шествовали мужчины в камзолах и при шпагах, их дамы в пудренных париках и кринолинах... Рядом с Кисонькиным отражением возникло еще одно – точно такая же девочка с рыжими волосами и зелеными глазами, только платье на ней было черно-серебристым. Кисонька была уверена: если когда-нибудь, в далеком будущем, научатся «отматывать» зеркальные отражения назад, на такую пару, как они, будут любоваться долго!

– Как думаешь, мама станет ругаться, что мы пошли сюда одни и так поздно? – озабоченно спросила Мурка, поглядывая на широкие окна, за которыми уже сгущались сумерки.

– Когда она узнает, что ты вылезла из своей «защитной» рубашки и надела нормальное платье, – от счастья простит нам что угодно! – Кисонька шагнула ко входу в зал. – Ой! Извините, пожалуйста! – охнула она, чуть не врезавшись в неожиданно оказавшуюся позади нее девушку лет двадцати пяти.

Но откуда та взялась? Ведь Кисонька только что гляделась в зеркало – как же она не увидела человека прямо у себя за спиной?!

– Извините, – еще раз пробормотала Кисонька.

Девушка лишь молча улыбнулась в ответ, тряхнув вьющимися черными волосами, – дескать, ничего – и пошла прочь той легкой упругой походкой, какая бывает только при отлично развитых мышцах. Кисонька слегка растерянно глядела ей вслед – одета девушка была в нечто вроде нешироких шаровар и свободную рубаху ниже бедер из казавшейся грубой и жесткой, но явно натуральной материи. Не иначе как от какого-нибудь крутого итальянского модельера, с уважением подумала рыжая.

Направляясь к высоким дверям в зал, Кисонька еще разок оглянулась – но девушки уже не увидела.

– Здравствуйте, барышни! – с грузной тяжеловесностью Олег Петрович Остапчук, организатор и подлинный хозяин выставки, шагнул им навстречу. – Вы все хорошеете! – сделал он комплимент девчонкам. – Повезло вашему папаше – самые красивые невесты города у него подрастают!

– Это брак по любви или просто объединяются два состояния? – Между девчонками и Олегом Петровичем вдруг просунулась холеная женская ручка с пестрым маникюром и черный микрофон, в лицо уставился объектив переносной телекамеры.

– Вы кто?... – Растерявшийся Остапчук невольно попятился.

– «Городские новости», Карина Артюхова, – отбарабанила дама с микрофоном.

– Вы сбрендили? – взвился Остапчук. – Я им в папашу гожусь! У меня жена есть!

– Какую часть вашего состояния она отсудит при разводе? – тут же наострила ушки журналистка.

– Хе-хе, слышали, Остапчука супруга бросает, – проскрипел рядом склочный голос. – Что, плохи делишки? Финансы дружно запели романсы?

Девчонки оглянулись. Рядом с ними, ехидно разглядывая Остапчука, переминался гном средних лет. Росту он на самом деле был совершенно нормального – просто приземистая фигура, очень широкие плечи да густая борода делали его похожим на гнома. Только топора в руках не хватало. Зато рядом...

Кисонька затаила дыхание. Возле кряжистого гнома стоял самый настоящий эльф! Лет семнадцати-восемнадцати, высокая, чересчур изящная для парня фигура, большие синие глаза, длинные, стянутые в тугой хвост золотистые волосы – вылитый Леголас из «Властелина колец». Одет вроде бы современно, но тоже с явной претензией на «эльфийскость»: кожаные джинсы в обтяжку, белоснежная рубашка с отложным воротом, и даже куртка немного смахивала на средневековый колет. Позади «эльфа» и «гнома» переминалась свита гоблинов – каменные, неотличимые одна от другой физиономии, черные кожаные пиджаки и пудовые кулаки.

– Выгодный брак для вас – единственный способ избежать разорения? – не отцеплялась от Остапчука Карина.

– Не получится, – заявила Мурка, недобрым взглядом окидывая журналистку.

– Что не получится, деточка? – Артюхова скосила на Мурку накрашенный глаз.

– Было бы нам хоть шестнадцать, может, полноценная сплетня... в смысле новость... и вышла бы, – рассудительно сообщила девочка. – А так мы маленькие еще. Деточки. Не поверят. Разве что Олег Петрович будет нас держать в гареме, пока дорастем.

Карина задумчиво поглядела на Мурку, оценивая ее слова... потом досадливо цокнула языком... круто повернулась и, не оглядываясь, нырнула в толпу гостей, как охотящаяся щука в глубину. Следом потрусил оператор.

– Фу-ух! – Остапчук судорожно перевел дух и покрутил головой. – Спасибо тебе, Мурка! Я уж думал, что пропал...

– И придется на нас жениться? – очень серьезно поинтересовалась Мурка.

– Бог с тобой! – отмахнулся Остапчук. – Если нужны женихи, так этот больше подойдет! – кивая на «эльфа», предложил он. – Знакомьтесь, барышни. Господин Неваляшкин – генеральный перевозчик нашей акции, – представил «гнома» Остапчук.

«Гном» Кисоньку не очень интересовал, но вот «эльф» – дело другое! Она изобразила улыбку в стиле «молодая, но о-очень симпатичная девушка, так и быть, согласна с вами познакомиться». И даже протянула руку...

– Может, кому они и лучшие невесты, – проскрипел «гном», – а по мне – слишком много чести дочкам Косинского, чтоб с ними мой личный сынок знакомился! – «Гном» гордо задрал нос и прошествовал в зал. Поглядев на девчонок сверху вниз с высокомерным превосходством, «эльф» направился за ним. Следом утопали гоблины охраны.

– Он и раньше-то много о себе понимал, а как первый миллион заработал, так решил, что пуп земли и центр вселенной! – торопливо сказал Остапчук, сочувственно поглядывая на Кисоньку. – За перевозку пекторали из Киева запросили такую смешную цену, что я сразу согласился, а теперь жалею. Привезли мне ее к самому началу презентации – еле установить успели. Всю рекламу с этого дела на себя перетянули. С пекторалью в самолете летели, теперь и на презентацию приперлись. Мало еще рекламных фоток нащелкали! Ты на них не обращай внимания.

– Я и не обращаю. – Кисонька подняла на Остапчука глаза и хладнокровно улыбнулась. – Пожилые мужчины часто говорят гадости молодым барышням. Они называют это воспитанием подрастающего поколения. – Она коротко кивнула Остапчуку.

Мимо еще одного охранника, замершего у дверей, сестры прошли в презентационный зал, вливаясь в неспешно циркулирующую тусовку.

– Вроде мы пришли сюда пектораль смотреть и Саляма рекламировать, – в пространство сообщила Мурка.

– Да, я как раз и ищу... – туманно ответила Кисонька, продолжая шарить взглядом.

– Будешь так высматривать каждого парня, который осмелился не влюбиться в тебя с первого взгляда, – заработаешь косоглазие. И Севка в офисе взбесится.

– Еще скажи, Большой Босс на меня обидится, – повернулась к ней Кисонька.

– Если узнает, – очень серьезно подтвердила Мурка.

– Хорошо тебе, – надула накрашенные губки Кисонька, – у вас с Вадькой все так нормально, спокойно. А у меня один – в офисе бесится, второй – вообще в Лондоне...

– И еще сто штук по разным углам, – в тон ей закончила Мурка. – Кончай дурью маяться, Кисонька! Вон, Салям уже приехал...

Толпа у входа колыхнулась... Кисонька ощутила невольную гордость – не зря она старалась! Дорогой пиджак отлично сидел на накачанной фигуре Саляма. Изъятие у Вадьки очки с затемненными стеклами скрывали простецкую физиономию, придавая Салямму зловеющий шарм. Он казался крутым и опасным – то ли старший инспектор полиции из американских детективов, то ли гангстер из российского кино. Кисонька сразу заметила, как насупились мужчины и оживились женщины. Салям просиял улыбкой... и двинулся прямо к девчонкам.

– Он же должен делать вид, что мы незнакомы! – простонала Мурка.

– Успокойся, – с коротким смешком ответила Кисонька, – он не к нам идет, а к ней!

– К кому? – удивилась Мурка.

– Да к салям! –

В двух шагах от девчонок Салям резко свернул к фуршетному столу – и навис над блюдом с бутербродами.

Глава 3. Безумный непрофессор

– Бутербродики у них ничего, – одобрительно сказал Сева, разглядывая попавшие в поле зрения камеры художественно исполненные бутерброды. – Слышь, Катька, – он оторвался от монитора и сдвинул наушники, в которых сам себе казался похожим на оператора из центра управления полетами космодрома Байконур, – бутерброд сделай, а?

– Я тебе не секретарша, – ответствовала нахохлившаяся в кресле Катька, – сам встань и сделай!

– Я не могу, – с достоинством сообщил Сева, – я Салямом рулю... Он без меня...

– ...бутерброд не съест, – закончила Катька. – А вот фиг тебе! Бутерброд он съест как раз без тебя! А ты рули, рули...

Вот злобное существо! И не скажешь ей, что она, мол, ничего не делает, а он тут страшно занят – сразу ведь предложит поменяться! На экране появилась Салямова рука, ухватила бутерброд – тот медленно проплыл вдоль экрана и исчез за верхним краем, словно межгалактический крейсер, бороздящий просторы вселенной. Салям немедленно потянулся за вторым. Чего-нибудь такого – с колбаской – захотелось до дрожи в желудке.

– Он сюда жрать пришел?! – пробормотал Сева.

Все пространство перед камерой занимал вид на фуршетный стол. До ребят доносились лишь жужжание голосов.

– Я же не требую от вас ничего особенного! – где-то поблизости прозвучал дребезжащий старческий фальцет. – Я всего лишь прошу передать мне пектораль для исследований – что в этом такого?

– Ничего себе – всего лишь! – после изумленной паузы откликнулся второй голос, показавшийся Вадьке смутно знакомым. – Вы спрашиваете, о чем просите?

– Естественно, – мгновенно откликнулся фальцет, – я практически все вычислил! Видите ли, первоначально я думал, что дело в зайце! Но теперь точно установил – в утке! Утка и есть ключ! Но мне, конечно, нужно провести ряд исследований с самой пекторалью. Вы можете отдать ее мне прямо сейчас, – буднично закончил он.

– Послушайте, профессор... – раздраженно начал второй голос.

– Я не профессор! Эти ретрограды из Академии наук объявили мою диссертацию анти-научной!

– Я их понимаю... Я хотел сказать, я вам сочувствую! Но не собираюсь отдавать пектораль кому бы то ни было! Она стоит бешеных денег...

– Всего лишь гроши – перед иными ценностями! – пафосно изрек непрофессор.

– В буклете сказано, что пектораль стоит 150 миллионов баксов! – у монитора в офисе возмутился Сева. – Салям, а ну-ка развернись! Хочу посмотреть, для кого там 150 лимонов – жалкие гроши?

Салям неспешно повернулся, но камера по-прежнему передавала отличный вид на его бутерброд.

– Пектораль останется на выставке, и прекратим этот разговор! – отрезал раздраженный голос.

– Салям, бутерброд от камеры убери! – рыкнул Вадька.

Бутерброд наконец убрался. Мелькнуло гневное лицо мужчины, потом он повернулся и зашагал прочь.

– Да это же Остапчук! – воскликнул узнавший бизнесмена Вадька.

– А разговаривал он с кем? – переспросил Сева.

Старческий фальцет звучал уже с другой стороны – и опять, как назло, вне поля зрения камеры!

– Даже слушать не стал! – искренне возмущался непрофессор. – Люди не понимают, что надо жертвовать малым ради большего!

– А вы? Вы понимаете? – новый голос прозвучал так тихо, будто его обладатель шептал своему престарелому собеседнику в ухо. Если бы не высокочувствительный микрофон – его бы и впрямь никто не услышал!

– Саям! – завопил в офисе Вадька. – Еще повернулся, быстро!

Изображение испуганно дернулось, крутанулось, на мгновение размывшись, – на экране мелькнули старенькие очочки с перемотанной изолентой дужкой. Блеклые, выцветшие глазки под ними кротко моргнули.

– Вы знаете, что должны делать... – голос сочился откуда-то сбоку и растворился в шуме других голосов.

– Клянусь, я сделаю это! Ради науки! – прокричал старичок и топнул ногой. Не обращая внимания на устремленные на него недоуменные взгляды, скрылся в толпе.

– Ты что-нибудь понимаешь? – в рабочей комнате «Белого гуся» растерянно поинтересовался у Вадьки Сева.

Тот только покачал головой. Потом защелкал мышью, выводя на экран изображение пекторали из Интернета.

– Но утка тут действительно есть! – разглядывая картинку, сообщил он. – И заяц тоже.

Глава 4. Официоз с тумбочкой

Девчонки обернулись на прокатившееся по толпе шевеление: «Губернатор приехал, губернатор...» – мимо, здороваясь то с одним, то с другим, продефилировала группа официального вида мужчин и женщин. Плетущийся в конце процессии Остапчук бросил несколько слов охранникам у занавеса, за которым скрывалась пектораль. Те немедленно сорвались с места и, стараясь не слишком привлекать внимание, выскользнули из зала. Остапчук повернулся, и Кисонька поймала его загнанный взгляд.

– Что случилось? – одними губами прошептала она.

– Губернатор приехал, а мэра еще нет, – так же одними губами ответил Остапчук. – Начну – мэр обидится, заставлю ждать – губернатор меня в порошок сотрет. Он и так злой. Его на входе демонстранты поймали и потребовали «восстановить исторический рельеф степей нашей области» – насыпать обратно все раскопанные за последние сто лет курганы, а нераскопанные – забетонировать и обнести колючей проволокой под током, чтоб ни один археолог не сунулся. Пришлось всех охранников из зала ко входам отослать – а то эти «закопщики» внутрь уже пробиваться начали! Еще сорвут мне презентацию!

Кисонька поглядела на него сочувственно.

– А вы время потяните, – предложила она. – Познакомьте пока губернатора... хотя бы... – она кивнула на Саяма, – с ним! Шеф детективного агентства «Белый гусь»! Звезда сыска, современный Шерлок Холмс!

Остапчук поглядел на Саяма с некоторым сомнением. Тот и впрямь вел себя странно: сперва вертелся на месте, как потерявший след пес, потом в упор уставился на какого-то старичка с внешностью безумного ученого из очень старых фильмов, потом снова завертелся... Едва не врезался в стол, но наконец успокоился и опять потянулся к блюду с бутербродами.

– Ладно, другого варианта все равно нет... – пробормотал Остапчук и деловито двинулся к Саяму.

Девчонки видели, как он остановился возле бородача, сказал что-то... Уже ухвативший следующий бутерброд Саям замер с выражением обиженного сенбернара на лице. Потом помотал головой, будто отвечая категорическим «нет!» только ему слышным голосам. Тяжко вздохнул, смирясь... дрожащей рукой вернул бутерброд на блюдо. Постоял над ним, прощаясь. Глаз его не было видно за темными очками, но уголки губ трагически опустились... И он покорно зашагал следом за Остапчуком к губернатору. Было слышно, как бизнесмен представляет его, приговаривая:

– Звезда отечественного сыска, современный Шерлок Холмс...

На лице губернаторши мелькнул неподдельный интерес, толпящиеся вокруг люди начали протискиваться поближе, разглядывая Саяма, как некую диковину. С другого конца зала уже спешила Карина Артюхова из «Городских новостей».

– И больше не говори, что я «Белого гуся» не рекламирую! – улыбаясь, как налопавшаяся сметаны кошка, промурлыкала Кисонька.

Толпа у входа вновь заколебалась – прибыл запоздавший мэр.

Центробежные силы, распределявшие элиту города вдоль фуршетных столов, сменились центростремительными. Публика стянулась к отделяющему часть зала занавесу, перед которым возник счастливый Остапчук.

– Господин губернатор, господин мэр, дорогие друзья! Теперь, когда мы все собрались, хотелось бы сказать пару слов о том, как более сорока лет назад я, еще совсем мальчишкой, стал свидетелем открытия погребальной камеры скифского царя, в которой и было обнаружено бесценное сокровище – выполненная греческими мастерами золотая пектораль!

Именно с этой находки началась слава великого археолога Бориса Мозолевого, которому мы обязаны многими открытиями...

– А поэт какой был потрясающий! – Рядом с Остапчуком появилось нечто, больше всего похожее на украшенную кружевными салфетками тумбочку. На крашеных кудрях цвета пожарной машины красовалась ажурная шапочка, сплетенная из красных, зеленых, синих, оранжевых нитей, дополненная свисающей на лоб бахромой золотых бусин! Квадратные плечи прикрывала пестрая вязаная шаль с кистями, а из-под цыганской юбки с алыми маками торчали отделанные серебром кавалерийские сапоги. Наслаждаясь всеобщим вниманием, «тумбочка» начала декламировать: – «Ее глаза слегка косили. Меня косили, не траву...» Между прочим, посвящено мне, – скромно добавила она и в доказательство свела глазки в кульку.

Потерявший дар речи Остапчук ошалело уставился на самозваную ораторшу.

– А я на это ответила следующими поэтическими строчками... – продолжала вещать «тумбочка». – «Ах, загадка для тебя моя душа напудренная, моя любовь, как и вино, кислящая и мутная...»

– Надо же, как оригинально! У других поэтов любовь, как вино, искристая или сладкая, – обалдело прокомментировала Кисонька.

– Это она просто такую бормотуху пьет, – прошептали ей на ушко так, что рыжая прядь зашевелилась от чужого дыхания.

Кисонька стремительно обернулась – на нее в упор синими глазищами глядел тот самый золотоволосый «эльф».

Очнувшийся Остапчук попытался снова привлечь к себе внимание:

– Сегодня золотая пектораль, пусть ненадолго, но вернулась в наш город, фактически на ту землю, в которой она была найдена...

– Мозолевский как услышал мои строки – так прямо весь и вспыхнул, весь... зафонтировал, – прикрывая глаза и прижимая руки к сердцу, взывала поэтическая «тумбочка». – Но я была холодна...

– Как мороженная туша на прилавке... – снова шепнул Кисонькин сосед.

Девчонка невольно хихикнула.

– Моей единственной любовью была и остается поэзия... – взвизгнула тетка. – «Поэзия – откель ко мне пришла?» – возопила она, причем звучали эти пафосные строчки в стиле «Чего приперлась, дура?». И точно таким же тоном базарной торговли изобразила ответ поэзии: – «Откель пришла, откель пришла? Из подсознания...»

– ...блин, – в тон ей закончил «эльф».

Теперь уже хихикали многие.

– Этого Мозолевский вообще спокойно вынести не смог... – не обращая внимания, упоенно продолжила поэтесса.

Вокруг ржали уже без дополнительных комментариев.

– Он впал в такой восторг, что все свои дальнейшие находки посвящал только мне! А пектораль – ее он мне просто подарил! Так и сказал: «Эта пектораль – твоя!»

Остапчук сдался:

– Если вы, э-э... простите, не знаю, кто вы... но если вы знали Мозолевого...

– Как бескультурны наши бизнесмены! – грустно перебила его «тумбочка». – Не знать властительницу душ и умов, великую, непревзойденную поэтессу Раймунду Радзивиловскую!

– Мурка, – прошептал зловещий голос за спиной у девчонки, – слушай и не оглядывайся!

Девчонка нервно вздрогнула. Разгорающийся перед бархатным занавесом скандалчик мгновенно потерял для нее всякий интерес.

– Что случилось? – глядя прямо перед собой и стараясь даже не двигать губами, промычала она.

– Не знаю, что делать! – тихо выдохнул сзади Салям. – Вадька с Севой меня совсем не слушают, а вот-вот беда будет!

Мурка растерялась – беда? Какая?

– Я тут со всякими губернаторами разговариваю – и все время пью: то вино, то сок, то воду... – жалобно протянул Салям. – Можно мне в туалет?

Мурка едва не подавилась. Салям в своем репертуаре! Да и мальчишки хороши! Она повернулась, постучала ногтем прямо по скрывающей камеру пуговице Салямова пиджака и, встав на цыпочки, прошептала Салям в ухо, где прятался микрофон:

– Вадька-а! Имей совесть, своди Саляма в туалет!

Глава 5. Долгие поиски

– Ну даст Салям! – недовольно процедил Вадька. – Там пектораль открывать будут, а он туалет ищет!

– И если ему не помочь, сам, кажется, не найдет! – разглядывая плывущие по монитору, как в компьютерной игре, коридоры, невозмутимо сообщила Катька.

Поиск туалета в историческом музее оказался непростым делом. Во всяком случае, ни в одном месте, где музейному туалету логично было бы находиться, его так и не оказалось. Дверцы с заветными символами не было ни в широком вестибюле, ни возле окошка кассы, ни под ведущей на второй этаж парадной лестницей, ни даже возле гардероба. Дело ухудшалось тем, что нигде, кроме как в презентационном зале, свет уже не горел. Даже в вестибюле и гардеробе лампочки были погашены – кажется, музей соблюдал режим строжайшей экономии.

– Великий сыщик в поисках туалета, – прокомментировал Сева, – только б его не увидел никто – а то конец репутации.

– Вадька, хватит над человеком издеваться! Вы ж с Муркой в этот музей лазили, вот и подскажи Салям, где там туалет! – потребовала Катька.

– Откуда я знаю? – возмутился Вадька. – Мы тогда за уликами лазили, а не в туалет!

Пробираясь сквозь царящий вокруг полумрак, Салям педантично подергал за ручку примыкающие к гардеробу двери – все оказались заперты. Рядом с отгораживающей гардероб стойкой начиналась уходящая вниз лестница. Просматривались только первые ступени, дальше начинался непроглядный мрак. Но, видно, нужда в туалете становилась все настоятельнее, и Салям решил продолжить поисковую экспедицию. Крепко ухватившись за широкие полированные перила, он начал аккуратно, ступенька за ступенькой погружаться во тьму.

Изображение на экране из блекло-серого превратилось в темно-серое, потом в черное со смутно проступающей сквозь него светлой штукатуркой стен и изгибом лестничных перил. Затем монитор словно накрыли плотным темным платком.

В крошечной тьме слышно было только притопывание Салямовых ботинок. Вот они звонко клацнули – Салям шагнул с последней ступеньки на ровный пол. Неуверенно сделал еще шаг вперед...

– Спокойно, все предусмотрено, – торжествующе усмехнулся Вадька. – Салям, включи...

Закончить он не успел. Послышался звук глухого удара, и изображение на мониторе дернулось, будто затаившийся во тьме враг из всех сил саданул Саляма в корпус. В ответ раздался гневный вопль самого Саляма – тьма на экране крутанулась, словно Салям вдруг сделал резкий разворот, на экране мелькнул контур вскинутой ноги – и снова послышался звук удара.

Салям взвыл от боли, черноту экрана пропорола коротенькая серебристая вспышка. Салям взвыл опять, раздалось тихое змеиное шипение, по экрану заструилось что-то колеблющееся, размытое...

– Что это, Вадька? Призраки? Они Саляма сожрут? – теребя брата за плечо, чуть не плакала Катька.

– Подавятся, – отрезал Вадька и заорал в микрофон: – Салям! Инфракрасное видение включи! Кнопка у тебя на очках! Ты слышишь меня, Салям?

– Слышу, – сдавленно процедил Салям.

Вадька пробежался пальцами по клавиатуре.

– Нас я тоже переключаяю на ту камеру, что в очках, – деловито пояснил он. Монитор вдруг вспыхнул. Его непроглядная чернота расчертилась светящимися контурами предме-

тов, проглядывающими сквозь дымку расползающегося... дыма. И на весь экран, плясь на Саляма через эту дымовую завесу, возникло гладкое, как черный пузырь, полностью лишенное черт – глаз, носа, губ – жуткое лицо.

– Призрак! – завопила Катька.

Дым чуть рассеялся, и под головой обнаружились покатые каменные плечи, обтесанные бока...

– «Каменная баба»! – с облегчением выдохнул Сева. – Половецкая степная статуя!

– А чего она дымится? – все еще дрожащим голосом спросила Катька.

– Это не она дымится, – досадливо пробормотал Вадька и снова потянулся к микрофону. – Салям! – грозно спросил он. – Ты ее что, ударил?

– Она неожиданно выскочила, – пожаловался Младший Служащий. – У меня из ботинка дым валит!

– Вадька! – еще более грозно накинулась Катька на брата. – Ты все-таки навесил на Саляма свои штучки? Тебе девчонки что сказали?

– Буду я девчонок слушать! – несколько неуверенно огрызнулся брат.

– А надо бы! Что, если бы Салям у ноги оторвало?

– Я ж не знал, что он будет ногами по статуям лупить! – окрысился Вадька. – Там ботинок совсем не взрывчатый! И все равно толком не сработал – совершенствовать надо, – мрачно добавил мальчишка. – Ботинок-то хоть цел? – требовательно спросил он у Саляма.

Младший Служащий нагнулся, ощупывая ботинок.

В темноте и тишине помещения послышался тихий серебристый смехок.

– Это Салям хихикает? – шепотом, словно отсюда, из офиса «Белого гуся», ее могли услышать там, в музее, выдохнула Катька.

– Не похоже, – процедил Вадька и, наклонясь к микрофону, торопливо пробормотал: – Салям, там кто-то есть!

– Тут полно народу, – продолжая ощупывать ногу, буркнул Салям. Инфракрасная камера в очках выхватывала из мрака то статую, с которой так неудачно состыковался Младший Служащий, то размытый плакат, то битые носы неузнаваемых от старости гипсовых бюстов. Салям потер ноющую от удара о камень ступню, выпрямился...

Видно, на другом конце этой обширной музейной кладовки пряталась еще одна дверь. Сейчас она была открыта, а в проеме, освещенная лишь падающим из коридора слабым серебристым отсветом, стояла черноволосая девушка. И терпеливо ждала, пока Салям обратит на нее внимание. Увидев, что тот наконец ее заметил, девушка молча приглашающе кивнула – длинные вьющиеся волосы разметались по плечам – и отступила в коридор, явно намекая, что Салям должен следовать за ней.

Что интересно – тот последовал. Слегка припадая на отбитую о камень ногу, поспешил вдогонку.

– Салям, ты куда? – переполошился Вадька, когда на экране показались распахнутая дверь и открывающийся за ней коридор.

– Так зовет же! – явно имея в виду невесть откуда взявшуюся девушку, ответил Салям. И добави: – Симпатичная.

После этого заявления мальчишки в полном ошеломлении уставились друг на друга, потом, не сговариваясь, обернулись и поглядели на Катьку.

– Ну и что такого? – в ответ на их недоуменно-вопросительные взгляды пожала плечами та. – А вы думали, он только на колбасу внимание обращает?

Мальчишки смущенно переглянулись – именно так они и думали – и снова уставились на экран.

Поманившая Саляма девушка успела уйти неожиданно далеко. Ее крепкая, как у спортсменки, фигурка мелькала на лестнице в конце коридора. Прильнувшие к монитору

мальчишки так и не смогли толком рассмотреть ее, только заметили, что она маленькая, не намного выше близняшек.

– Эй, погоди! – картинка на экране замелькала быстрее – Салям наддал, рассчитывая догнать свою проводницу.

Девушка обернулась через плечо на верху лестницы и опять, не отвечая, скрылась за углом очередного коридора.

– Да стой же! – Глухо стуча каблуками, Салям побежал.

Обогнул угол... Остановился. Тянувшийся перед ним новый коридор был совершенно пуст. Никого. Лишь слабый шум вечернего проспекта врывается в широко распахнутое окно.

– О, а я это место знаю! – неожиданно оживился Вадька. – Мы с Муркой через это окно из музея вылезали!

– Похоже, не только вы! – заглядывая брату через плечо, сказала Катька. – В него опять кто-то лезет!

Глава 6. Погоня за черным призраком

Послышался свист рассекаемого воздуха, блеснул металл – и в подоконник с глухим стуком впились зубья... самого натурального абордажного крюка. С другого конца крюка, уходя вниз, свисал тонкий, но прочный витой канат. Снизу канат подергали – крюк дрогнул под тяжестью. По канату кто-то карабкался.

– Салям! Чего стоишь! – заверещал очухавшийся Вадька. – Прячься, скорее!

Салям вжался в стену у самого окна, исчезнув в густой тени.

Сперва над подоконником поднялась голова в глубоком, полностью прячущем лицо капюшоне. Покряхтывая и, кажется, шепотом ругаясь, человек в черном вскарабкался на подоконник. Встал, выпрямившись во весь рост и встряхивая мягкими складками длинного плаща – укутанная в него фигура сразу обрела загадочность. Легко спрыгнул с подоконника внутрь.словно скользя над полом – длинный плащ скрывал движения ног, – неспешно двинулся по коридору.

– Давай за ним, только тихо-тихо, – просипел в микрофон Вадька.

Салям был выше всяких похвал. Он выскользнул из густой тени у окна и не дыша двинулся за таинственным незнакомцем. Но в этой части музея даже легчайший шаг мгновенно отдавался эхом под сводами потолка.

Скользящая впереди фигура замерла. Закрытая капюшоном голова дрогнула, но так и не повернулась, и только приглушенный складками материи голос прошептал:

– Кто? Кто здесь?

– Я, – ответил честный Салям.

Этот простой ответ подействовал на незнакомца, как выстрел стартового пистолета. Окутанная плащом фигура подскочила, и пришелец помчался по темным музейным коридорам. Салям сорвался следом.

В офисе «Белого гуся» изображение на мониторе понеслось, как в лабиринтах «шутера». Плащ беглеца развевался, растворяя фигуру во мраке, создавая полную иллюзию полета черного призрака. Мимо замелькали князь Потемкин, граф Разумовский, пара неопознанных гетманов, навстречу стремительно приближалась Екатерина II, портрет которой замыкал экспозицию, – деваться беглецу было некуда.

Салям нагнал... Протянул руку... Его пальцы уже почти коснулись края черного плаща... и тут, точно в гонконгских боевиках, земное притяжение вдруг перестало действовать.

Черный призрак взлетел... Высокая тонкая фигура в черном плаще прыгнула, пробежала вверх по стене, оттолкнулась, сделала сальто у Саляма над головой, подскочила упругим мячиком, перелетела к другой стене и, словно выброшенная пружиной, нырнула в боковой проем со слабо светящейся цифрой «1» над входом и растворилась во мраке. Салям тупо уставился в темный пустой коридор.

– Призрак! Летает! – завопила Катька.

– Не летает, а прыгает, – поправил ее Вадька. – Этот... Ямакаси! Ну, экстремалы такие, которые в городах по крышам бегают и по стенкам домов без всякого оборудования лазают! – в ответ на Катькин вопросительный взгляд пояснил он. – Ловкие очень.

Салям очнулся и кинулся следом со всей решимостью, на какую был способен. Изображение на экране перевернулось, мелькнула красная ткань дорожки – Младший Служащий растянулся на невидимой в полумраке ступеньке.

– Вставай! – простонал Вадька.

Когда Салям ворвался в зал, призрак петлял в лабиринте экспонатов и витрин. Заметив преследователя, подпрыгнул на, казалось, невозможную для человека высоту. Белые

кроссовки мелькнули над древними глиняными чанами... Едва-едва, в одно легкое касание, беглец оттолкнулся от изъеденного временем края, приземлился на той стороне и рванул дальше. Глиняный чан позади него стал неспешно заваливаться набок.

– Лови кастрюлю, Саям! – заорал Вадька.

– Эк! – в самую последнюю секунду Саям успел ухватить чан и замер, держа древний сосуд на весу.

– Да брось ты его! – заорал Вадька и тут же завопил: – Не-ет! Не бросай! Поставь! Аккуратненько поставь на место. Вот так. А теперь ходу, ходу, ходу!

Саям ринулся к проему со светящейся над ним цифрой «2», но перед самой дверью резко затормозил. Вжался спиной в стену и, неслышно ступая, двинулся ко входу во второй зал музея. Замер. Затаив дыхание, вслушался. Медленно и аккуратно сунул голову в дверь. Никого. Тишина. Лишь слабо подсвеченные падающим из окна лунным светом, из тьмы выступали угловатые силуэты старинных пушек, и тускло мерцала стойка с оружием и знаменами.

– Он же призрак! Под потолком проверь! – громко прошептала Катька.

– Малая, что за дурь! – вскричал Вадька, но Саям уже поднял голову. Прямо над ним, над притолокой, упираясь ногами в одну стену, а руками – в другую, завис призрак.

Расправив полы плаща, словно нетопырь крылья, беглец слетел Саяму на голову. На Младшего Служащего рухнуло что-то легкое – но жесткое и драчливое. Цепкие пальцы ухватили за волосы. Мелькнул крепкий жилистый кулачок.

Злобный черный призрак повис у Саяма на плечах, но тот извернулся... Перехватил охаживающий его по голове кулак... Швырнул противника через себя.

Вадька невольно болезненно сощурился, ожидая увидеть жестокий удар об пол...

Противник сгруппировался, перекатился и вскочил на ноги.

Закрепленный на высоком деревянном постаменте макет казацкой гребной «чайки», казалось, сам прыгнул ему в руки. Легонькая лодочка, растопырив торчащие по бокам весла, полетела в Саяма. Хлопком ладоней Саям поймал макет у самого лица.

Рифленая подошва белой кроссовки призрака выросла во весь монитор...

– А-а! – троица ребят в офисе слаженно завопила. Изображение содрогнулось, и передача с камеры в пуговице прекратилась – кажется, Саям получил сильнейший удар в грудь. Теперь в их распоряжении был только вид через Саямовы очки.

– Фу-ух! – коротко выдохнул бородач и попытался ухватить противника за щиколотку. Но руки были заняты макетом...

– Ой-ей, – испуганно выдохнул черный призрак, отскакивая в сторону. Он снова подпрыгнул... и приземлился на тянущиеся вдоль стен невысокие витрины. Пробежал прямо по ним, шустро перебирая ногами...

– Крак-крак-крак! – потрескивали стекла.

– Стой! – взревел Саям, наскоро водружая макет на место.

Витрина кончилась. Беглец оттолкнулся от края... Стекло осыпалось звонким водопадом. Вытянувшись в длинном прыжке, призрак уже перелетал к стальному шесту с надетой на него кирасой польских гусар. Ухватившись руками за шест, крутанулся вокруг и перепорхнул к выстроившейся у стены пушечной батарее. Свалившаяся с верхушки шеста каска, грохоча, запрыгала по старинному паркету.

Бегущий следом Саям успел подхватить шест с кирасой.

– Поставь на место! – завизжала Катька.

Саям прислонил железный доспех к стене и уже было бросился в погоню. Но тут послышался грохот, какой бывает только в боулинг-зале на чемпионате любительских команд.

– А! Что ж так больно-то? – простонал Саям и опустил глаза. Легкая корабельная пушка ткнулась твердым чугунным дулом ему в колено. Следом, поскрипывая несмазанными колесами, ехали ее подружки – побольше и покрупнее. За ними катились выбитые из горки чугунные ядра.

Громко хохочущий черный призрак улепетывал в третий зал.

Саям едва увернулся от колеса следующей пушки. Ядро прокатилось ему по ноге.

– Да я тебя... – Жаждавший мести бородач запрыгал между пушек – не так красиво, как его противник, зато энергично, и ринулся следом. В ошеломлении затормозил в дверях, увидев, как его противник с легкостью, какая бывает в кино и никогда не бывает в жизни... взбежал по дверному косяку, быстро-быстро перебирая по полированному дереву белыми кроссовками! И рванул защелку наверху высокого, во всю стену, стенда с оружием.

Они посыпались все разом, будто вырвавшаяся на охоту свора гончих. Кремневые ружья и боевые мушкеты, инкрустированные охотничьи карабины и парные дуэльные пистолеты ахнули сверху – банг! банг! банг! Сабли и тонкие шпаги с витыми рукоятками сыпанули под ноги, и поверх всей этой кучи, вращаясь, будто пропеллер, спланировал турецкий кинжал с двумя изогнутыми лезвиями.

– Это уже на место не поставишь, – грустно сказал Вадька. – Хоть того гада поймай! – заорал он.

Разметывая перегородившую дорогу кучу оружия, Саям кинулся на беглеца. Сжавшись в комок, тот взмыл с места, развернулся в прыжке, вытянулся и, трепеща черным плащом, легко скользнул между вооруженными вилами манекенами в крестьянских костюмах. Рычащий от ярости Саям швырнул пластикового крестьянина на вилы его супруги, с ревом сшиб двух кокетливых пластиковых барышень в шляпках...

Беглец крутанул сальто в воздухе – полы плаща завертелись, – перебрасывая себя через выставленные у прохода «орудия крестьянского труда». Приземлился, успев пихнуть преследователю под ноги ошестинившуюся колями борону. Саям шарахнулся в сторону. Именно этот момент ушибленная о древнюю статую ступня и выбрала, чтоб подвернуться. Ногу пронзила острая боль, и Саям рухнул на пол, как подрубленное дерево, едва успев увернуться от бороны. Стекла витрин зазвенели. Еще державшийся на пластиковых ногах кавалер раскиданных Саямом барышень закачался... и ляпнулся прямо на Саяма, упираясь в него своим облупленным носом. Сквозь камеру в инфракрасных очках ребята в рабочей комнате агентства видели, как быстро убегают прочь белые кроссовки.

Из наушников послышались возня и сдавленное кряхтение. Изображение на мониторе поползло вверх, в очередной раз перекошилось и успокоилось – Саям поднялся и со свойственным ему упорством рванул в погоню.

Он пробежал в следующий зал, все время задирая голову и внимательно изучая потолок над дверями и высокие витрины. Пару раз подпрыгнул, пытаясь заглянуть на верхние полки «кооперативного магазина начала XX века» – и получив на голову связку пластиковых сушек. Выпутавшись из сушек, обошел трактор с неимоверно высокими колесами и вышел в холл. Загадочный призрак в черном плаще исчез. Растворился в недрах музея.

Некоторое время в опустевших залах стояла полная тишина.

Дверца двустворчатого дубового шкафа в нише с табличкой «жилище горожанина конца XIX века» тихо заскрипела. Изнутри высунулась голова в капюшоне, повертелась туда-сюда, и наконец выбралась вся фигура в черном плаще.

Разочарованный Саям взбежал по широкой лестнице на второй этаж. Здесь залов оказалось меньше и половина из них сейчас были попросту заперты. Саям прислушался, надеясь уловить в музее хоть какое шевеление жизни. Но даже воздух вокруг был абсолютно неподвижен.

– Двери проверь, – буркнул в микрофон Вадька. В этом треклятом музее опять что-то происходит, и они опять оказались в это замешаны!

Кивнув, Салям пошел по периметру, проверяя двери. За одной оказалась обыкновенная кладовая – с ведрами и швабрами. За другой...

– Ну хоть что-то, – меланхолично заключил Салям, щелкая выключателем и разглядывая проявившиеся при свете лампочки белый унитаз, умывальник, висящее рядом полотенце. Зашел внутрь и запер за собой дверь.

– Катька, выйди! – вскакивая из-за пульта, в один голос рявкнули мальчишки, заслоня собой монитор.

– А вы? – Уже вставая, Катька подозрительно поглядела на мальчишек.

– А мы просто отвернемся, – торопливо сказал Сева и хищно схватился за нож – после наблюдений за всеми этими фуршетами есть хотелось невыносимо.

– Ну и я тогда просто отвернусь, – решительно объявила Катька, разворачивая свое кресло спинкой к монитору. – Как вы думаете... – после недолгой паузы спросила она, – этот, в черном... он кто и что ему надо?

– Мы пока не думаем, – пробормотал Вадька, нетерпеливо перетаптываясь у Севы за спиной в ожидании, пока тот освободит нож. – Вот сейчас в желудок что-нибудь кинем, и тогда будем думать...

Он выхватил нож у Севы из-под руки и принялся кромсать колбасу.

– Лопнете, – прокомментировала Катька, разглядывая вырастающую перед мальчишками башенку из бутербродов.

– Не лопнем, – с набитым ртом ответил Сева. Некоторое время в рабочей комнате слышалось только сопение и сдержанное почавкивание, сменившееся благодатными вздохами.

– Вам не кажется, что Салям там долго сидит? – разглядывая насытившихся мальчишек, поинтересовалась Катька.

– Может, ему надо? – благодушно ответил Сева, уже лениво, только для удовольствия пережевывая последний бутерброд.

– За то время, что вы жрали, любое «надо» можно доделать, – любезно сказала Катька. – Вы бы у него спросили, как он там...

Вадька мельком глянул на часы и нахмурился – Катька была права.

– Ну и как я, по-твоему, его спрошу? – вызывающе поинтересовался он. – Микрофон возле монитора, а подглядывать за людьми в туалете я не привык!

– Глаза зажмурь! – невозмутимо предложила Катька. – А то ведь если все разойдутся и музей запрут, ему там до утра придется сидеть.

Подавив желание предложить Катьке самой зажмуриться и спросить – это было бы совсем неприлично! – Вадька и правда встал. Глядя только и исключительно в пол, нащупал микрофон возле монитора. И от злости на Катьку не очень-то вежливо осведомился:

– Салям, ты там с ночевкой обосновался или все-таки думаешь выходить?

– Думать-то я думаю, – послышался из наушника грустный ответ, – но выйти не получается...

Отбросив стеснения, Вадька посмотрел в монитор. Но стесняться было особенно и ничего – Салям стоял у двери туалета, и на экране виднелась его рука, раз за разом терпеливо толкающая створку. Ручка щелкала – но дверь и не думала открываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.